

ЭЛИЗАБЕТ БЕКЕР

ПОЛУНОЧНЫЕ
ВЕДЬМЫ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б42

Elizabeth Becker
THE MOONLIGHT HEALERS
Copyright © Elizabeth Becker, 2025

This edition is published by arrangement with Harlequin Enterprises ULC.
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Перловой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Бекер Э.

Б42 Полночные ведьмы : роман / Элизабет Бекер; пер. с англ. Е. Перловой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-28398-5

На протяжении нескольких поколений женщины из семейства Уинстон обладали тайным даром: они могли врачевать прикосновением рук. Но применять свои способности им приходилось вдали от чужих глаз, в лунные часы, когда танцуют светлячки и поют козодои. Не каждая целительница отважилась открыть правду своим потомкам, и для юной Луизы Уинстон осознание собственного дара происходит при трагических обстоятельствах: она нечаянно воскрешает лучшего друга Питера после страшной автомобильной аварии, которая случилась на следующий день после того, как он признался ей в любви, и за несколько дней до отъезда Луизы в Нью-Йоркский университет.

Отчаянно переживая свой неожиданный дар, в поисках ответов девушка сбегает в пышный сад бабушки Камиллы в Аппалачах. Только там тайная история их семьи откроется Луизе на страницах потрепанного дневника, который вела еще ее прабабка, исцелявшая раненых солдат союзников в раздираемой Второй мировой войной Франции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-28398-5

© Е. М. Перлова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ГЛАВА 1

Ричмонд, Вирджиния, 2019 год
ЛУИЗА

Луиза стояла в саду у дома, где родилась. На фоне розового закатного неба поднимались горы. Ветки деревьев гнулись под тяжестью спелых фруктов. В воздухе сияли тысячи светлячков. Луиза ощущала чье-то невидимое присутствие: кто-то был там, за деревьями. Взгляд поймал женщину в длинной белой сорочке; руки незнакомки скользили по ветвям. Луиза хотела догнать ее, но тело не слушалось. Ступни отяжелели, будто их притянуло к земле мощным магнитом. Издалека послышался вой сирен — приглушенный, словно сквозь толщу воды. Луиза зажмурилась, сирены приближались, были отчетливее и громче.

Когда она открыла глаза, сад исчез. Она была на переднем пассажирском сиденье в машине Питера. Кресло водителя пустовало. Июньское солнце слепило через лобовое стекло, и Луиза прищурилась. Вот только стекла не было: по краям рамы торчали осколки.

Голова гудела, мысли путались. Нужно было понять, что происходит, вернуться к реальности. Вроде бы Питер вел машину. Сидел за рулем. Она зацепилась за этот факт, словно за борт спасательной шлюпки.

Вспомнила, что Питер не пристегнулся, несмотря на ее протесты. Вспомнила, как на их полосу выехал минивэн, как Питер выкрикнул ее имя, потом были вспышка, удар, белая подушка безопасности. И тишина.

Снова закрыв глаза, Луиза продолжала восстанавливать события, поднимаясь из темных глубин к свету, и живот у нее скрутило, когда она вспомнила в деталях прошлую ночь. И причину, по которой сегодня утром не хотела открывать Питеру дверь. Луну, сияющую в ночном небе, сине-зеленое свечение бассейнов во дворе дома Кайла Тэна, сотни голосов, смех, теплое пиво в банках.

И Питера.

Он говорил те самые три слова, которые она мечтала услышать больше всего на свете. И ждала слишком долго, чтобы поверить в реальность происходящего.

Луиза не хотела открывать глаза. Не хотела видеть пустое водительское место и разбитое лобовое стекло.

Она мысленно вернулась к событиям прошлой ночи.

На вечеринке она поначалу чувствовала себя не в своей тарелке, не зная, к какой тусовке прикнуться. Подошел Питер, они выпили кокосового

рома, потом еще. Луиза начала испытывать теплоту к окружающим людям, на нее напал приступ ностальгической нежности ко всем тем, с кем она едва обменялась парой фраз за годы учебы. Начались игры и бурное общение. И одно пиво за другим. Желание уйти пораньше стихало по мере приближения ночи.

Они с Питером пробыли на вечеринке несколько часов, а потом он потащил ее прогуляться. Крепко взял за руку и повел за угол дома Кайла. Кажется, до этого он никогда не брал ее за руку. А если такое и было, то с тех пор, как закончились их игры в домике на дереве, прошла куча лет.

Они оба уже были пьяны. Шли, смеясь и спотыкаясь об огромные старые корни магнолии, которые доисторическими змеями ползли по земле. Ветки, усыпанные нежными белыми цветами, источали тонкий аромат. Питер остановился и посмотрел на Луизу.

Сквозь пелену опьянения ее накрыла печаль: конечно, вот что он собирается сделать! Через пять дней она уезжает в Нью-Йорк на шестинедельную летнюю программу для абитуриентов Нью-Йоркского университета. Первое лето порознь, первое лето, когда они не будут вместе вожаками в лагере Стаунтон-Мидоуз. В том лагере, куда они ездили еще детьми и где крепла их дружба. Как приятно было сидеть в теплой траве, попивая кока-колу из местного магазинчика!

Луиза ждала, что он попросается, или пожелает удачи, или выдаст какую-нибудь ужасно

бессмысленную фразу, которая закрывает на замок дверь в мир их детской дружбы.

Но в его взгляде не было грусти. Был вопрос.
— Кажется... я люблю тебя, — сказал Питер.

Уголки губ Луизы дрогнули и растянулись в улыбке, хотя до нее сразу дошло, что он не шутит. Она слишком хорошо знала его голос, когда Питер говорил серьезно.

Пауза затянулась. От бита музыки земля под ними вздрагивала. До них доносились громкие всплески бассейна, звуки разбивающихся бокалов. Ей хотелось отвести взгляд, но Питер так пристально смотрел на нее, что это было невозможно.

— Так, ладно, — наконец сказала она и широко улыбнулась. Луиза будто попала в ловушку, ее будто зажали в переходе между двумя мирами. В одном, безопасном и понятном, Питер был ее лучшим другом. В другом, который, как она убеждала себя, ей совсем не нужен, Питер любил ее, и она любила его. Тот мир был невыносимо прекрасным, но слишком хрупким.

Она попыталась найти слова, которые бы разрядили обстановку, хотя было понятно, как фальшиво они прозвучат.

— Вот так в кино и бывает, да? Признание в любви на выпускном вечере.

Питер все еще смотрел на нее с надеждой. И вдруг весь будто сжался. Опустил глаза и, глядя под ноги, кашлянул.

— Точно. — Потом снова посмотрел на нее, улыбаясь, но даже в темноте она видела, что ему

невесело. — Ты слишком умная для такой ерунды, да? — Он перевел взгляд на дом, где громко шумели их одноклассники. — Мне нужно еще выпить. Ты будешь?

Она безучастно кивнула, он повернулся и пошел к дому...

* * *

Луиза снова открыла глаза. Трясущимися руками нащупала ремень безопасности. Это случилось из-за нее. Она виновата. Но еще можно все исправить. Только бы найти его! И жизнь пойдет как раньше, как всегда.

Луиза толкнула помятую дверцу, но та не поддалась. Перед машиной было ограждение; должно быть, они в него врезались. Она навалилась на дверцу со всей силы, и на этот раз получилось. Луиза вылезла из машины, морщась от боли в плече.

На дороге в нескольких метрах от нее лежал человек. Она почувствовала, как теряет равновесие, и ухватилась за раму дверцы. Ее охватила дрожь, страшные мысли ворвались в голову на скорости бешеного товарняка.

На подгибающихся ногах она сделала несколько шагов к лежащему человеку и хрипло позвала: — Питер.

Он лежал с открытыми глазами, и она чуть не расхохоталась от облегчения.

Ну конечно, все с ним в порядке. Жив-здоров. Но через мгновение она заметила струйку крови, вытекающую из уголка его полуоткрыто-

го рта. Ужасно вывернутую шею. И пустые стеклянные глаза.

Луиза опустилась рядом, лихорадочно вспоминая, как обучалась сердечно-легочной реанимации на курсах сертификации по присмотру за детьми два года назад.

Стала нажимать на грудь Питера. Раз... два... три... четыре... пять...

В глазах потемнело, и Луиза перевела дух. Шесть... семь... восемь...

Кожа была теплой. Еще не поздно. Она читала про жертв катастроф, доставленных в больницу с полной остановкой сердца. Про детей-утопленников или людей с сердечным приступом. Некоторые не получали помощи почти час. Но их смогли спасти.

— Вернись, — то ли подумала, то ли произнесла вслух Луиза, в забытьи продолжая нажимать на грудь Питера.

Было очень важно давить правильно. На определенную глубину в сантиметрах. На занятиях Луиза прекрасно справилась и получила высший бал на тесте. Но в реальности все было гораздо сложнее. Она не понимала, двигается ли вообще грудь Питера.

Досчитав до тридцати, она начала сначала. Полагалось вдохнуть ему воздух в рот, но, посмотрев на кровь, вытекающую изо рта, Луиза не смогла.

Она слышала позади себя голоса приближающихся людей, но ей было все равно. Нельзя останавливаться. В горле застрял крик, щеки были мокрыми, но она не сдавалась.

— Вернись, пожалуйста! — сдавленно повторила она. Неважно, слышат ли ее другие. Она даже не замечала людей на дороге, которые с жалостью смотрели на нее. Наплевать, насколько нелепо она выглядит. Она знала только одно: он должен вернуться.

Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре...

Луиза внезапно надавила на грудь Питера с такой силой, что, казалось, чуть не сломала ему ребра, и в этот момент у нее внутри появился странный жар, перетек в руки, а с них — в тело Питера. Она отшатнулась, ее словно ударило молнией. Луиза в ужасе посмотрела на ладони, ожидая увидеть ожоги, какие-то признаки электрического удара, который только что прошиб все ее нервные окончания. Но ничего не было, никаких повреждений на коже.

В этот момент совсем близко она услышала рев сирен. Хлопнуло несколько дверей, к ней кто-то побежал.

Двое в синей униформе разложили носилки и оборудование. Кислородные баллоны, аптечки, шейный воротник попадали на землю.

Один из медиков стал делать Питеру искусственное дыхание, другой вколол шприц в сгиб локтя.

Луиза почувствовала, как ее тронули за плечо.

— Идем, о нем позаботятся.

Луиза подняла взгляд: над ней стоял высокий пожарный в полном обмундировании, морщинистый и седовласый. За ним тянулась дорога, не-

лепо мигающая неестественными сине-красными огнями на фоне светлеющего неба. Луизе снова захотелось рассмеяться. Какой абсурд! Несколько минут назад, мгновение назад Питер был с ней рядом, в машине, и они ехали в бассейн.

— Идем, нужно осмотреть тебя, — повторил пожарный вежливо, но твердо и немного сжал плечо Луизы.

Она позволила ему поднять себя, но не могла вот так взять и уйти. Если она уйдет, они прекратят реанимацию. А пока она здесь, медики не остановятся. Еще не все потеряно.

— Идемте же, — поторопил пожарный, но Луиза продолжала стоять и смотреть.

— Меняемся, — бросил санитар, и его сменила женщина.

— Проверка ритма. — Женщина присела у монитора.

У Луизы подкосились ноги, словно не желали больше держать ее. Пожарный молча подхватил ее за подмышки и практически понес к другой машине скорой помощи. Толпа почти рассосалась, зеваки разошлись по своим машинам. Никто не хотел видеть, как все кончится.

— Майк! — громко и изумленно вскрикнула женщина-медик.

Луиза замерла.

— Прекращаю массаж сердца, — сообщил Майк.

Силы вернулись к Луизе. Несмотря на протесты пожарного, Луиза вырвалась у него из рук и ринулась обратно. Санитары умолкли. Слыш-

ны были лишь шелест листвы придорожных деревьев и шум проезжавших где-то далеко машин.

Луиза прошла мимо полицейских, ее гнала вперед та твердость и настойчивость, которая вдруг зазвучала в голосах вновь заговоривших медиков. В голове билась одна-единственная мольба: вернись. Она бы все отдала, лишь бы снова услышать голос Питера, она наплевала бы на все скрупулезно продуманные планы, на Нью-Йорк, колледж и идеальное будущее — все это она отдала бы за то, чтобы он был жив.

— Синусовый ритм, — заявила женщина, не отрываясь от монитора. Ее коллега приложил пальцы к шее Питера.

Луиза добралась до них. Лицо Питера скрыла кислородная маска. У Луизы перехватило дыхание, когда она встретила взглядом с санитаром.

Это была самая длинная секунда в ее жизни, когда весь мир балансировал на тонкой ниточке. Машины и мигающие огни исчезли на пустынной дороге. И наконец до Луизы долетели слова — раньше, чем они прозвучали, чем вырвались изо рта медика. Громкие и самые прекрасные слова, которые ей случалось слышать:

— Есть пульс.

ГЛАВА 2

Онфлер, Франция, июль 1942 года

ЭЛЕН

Элен проснулась как обычно, до рассвета. В маленьком старом доме было тихо, все еще спали. Элен лежала в узкой деревянной кровати и смотрела в окно мансарды, пытаясь совладать с охватившей ее паникой.

Обычно, едва открыв глаза, Элен вскакивала с постели, натягивала одежду, залатанную десятки раз, и спускалась из своей комнатки на цыпочках по длинной лестнице в полной темноте, ведь окна были плотно зашторены. Каждое утро Элен плелась в булочную, или к мяснику, или на рынок: только так она могла приносить пользу своим родным. Она успевала прийти до того, как образовывалась длинная очередь. Каждое утро Элен упорно шагала за продуктами, это стало для нее ритуалом, невзирая на погоду. Она выходила даже в холодные зимние дни, когда землю покрывал снег, а немногочисленные рыболовецкие суда, стоявшие у пристани, поблескивали от инея.

Но сегодня Элен села в кровати и прижала колени к груди, обхватив их руками. Она силилась представить, что всего через несколько часов покинет свой дом и родных, уедет на поезде, чтобы учиться на медсестру в Отель-Дьё¹ при католическом монастыре и больнице в Руане.

— Там безопаснее, — объяснила ей Агнес как-то утром несколько недель назад. Мать только что вернулась с ночных родов, которые принимала на окраине города. Ребенок родился около полуночи, но из-за комендантского часа пришлось ждать до рассвета, чтобы пойти домой. Бледная, с покрасневшими глазами Агнес стояла у раковины. — В больнице работает моя кузина. Мы не виделись с детства, она приезжала с матерью с юга всего несколько раз. Но я ей написала, рассказала о том, что ты мне помогаешь и станешь хорошей медсестрой в госпитале. И она согласилась.

Шок от услышанного тут же сменился страхом. Элен не хотела посреди войны уезжать от мамы и бабушки в какой-то незнакомый город, где она будет совсем одна.

— Нет, — выдохнула Элен, поразившись тому, как это слово вылетело у нее изо рта. Она никогда не возражала матери. Всегда только «да, мама». Когда Элен будили посреди ночи, потому что кто-то рожал или умирал. Или когда мама просила пропустить школу, чтобы собрать цен-

---

¹ Божий приют (*фр.*) — традиционное название французских городских больниц. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ные лекарственные растения, которые фермеры считали сорняками. Элен всегда следовала за матерью, даже когда мальчишки в школе называли Агнес ведьмой. Порой Элен хотелось быть обычной девчонкой, вести простое и понятное существование и не обладать особыми знаниями по поводу жизни и смерти.

— Это не обсуждается, — заявила Агнес.

Элен посмотрела на волдырь на ладони. За день до этого разговора она помогала с уборкой в их лавке, торгующей морепродуктами, которая располагалась внизу. Когда-то магазинчик наполнился соленым запахом океана и громкими голосами рыбаков. Сейчас он пустовал, но уборка была важной частью распорядка дня, крошечным актом сопротивления. Агнес молча приложила ладонь к волдырю дочери. Знакомое тепло разлилось по коже. Ощущение было привычным: с самых ранних лет с ним были связаны ссадины на коленках, ожоги от печки и особое чувство, когда боль уходила от прикосновений матери.

Агнес убрала руку — волдырь исчез. Чудо для любого человека, но только не для Элен, в теле которой, как и в теле ее матери, жила эта сила. Со стороны происходящее казалось фокусом. Или колдовством. Но для Элен магия была сутью ее матери, текущей по венам, такой же естественной, как лунные приливы и отливы.

— Ты можешь принести пользу, — сказала Агнес, — им нужны медсестры.

— Но я не медсестра, мам. — Элен рассматривала пятнышко на месте недавнего волдыря. —

И если там узнают, на что мы способны, нас возненавидят.

В ее голосе сквозила мольба маленькой девочки. Элен не понимала, как кузина матери работает в таком месте, где ее осудят за тайный дар, если только узнают о нем. Церковь веками преследовала их предков, обвиняя в колдовстве и пособничестве дьяволу. Именно поэтому их дар и был тайной.

— Никто не узнает, — возразила Агнес. — Я не спрашивала Сесиль в письме ни о чем таком, потому что это небезопасно, почту проверяют. Но, вероятно, она нашла способ работать медсестрой и заниматься целительством. Скрывать то, что следует скрывать. Примерно так же, как я работаю здесь, Элен. Поэтому я чаще всего бываю у пациентов ночью, когда весь мир спит.

— Но я даже не умею... — Голос задрожал. Элен ощутила знакомый прилив стыда: то, что для матери было легко и естественно, дочери давалось с большим трудом.

— Возможно, там все и получится, Элен, — мягко сказала Агнес. — Ты обрешь то, чего тебе не хватает. Надеюсь, Сесиль станет тебе лучшей поддержкой, чем я.

— Ты моя мама, — насупилась Элен. — Чему такому она меня научит, чего не можешь ты?

— Порой я боюсь, что делаю только хуже, — грустно улыбнулась Агнес. — Возможно, если ты уедешь подальше от этих воспоминаний... — И она бросила взгляд в сторону гостиной.

Элен тут же поняла, о чем она. Заходя туда, Элен видела кровать, которую дяди поставили для отца в последние недели его жизни, зашторенные окна, ощущала сладковатый тошнотворный спертый воздух, хотя с тех пор прошло уже четыре года.

— Может, тебе нужно начать с чистого листа.

В светло-зеленых глазах Агнес была такая печаль, которой Элен раньше не видела, но губы матери плотно сжались, а линия подбородка стала твердой. Значит, больше никаких возражений.

И вот теперь, две недели спустя, сидя на кровати в своей комнатке в мансарде, Элен слушала, как дождь барабанит по кровле, и ей ничего не оставалось, кроме как ждать рассвета.

Когда по краю штор проступили полоски света, девушка встала с кровати и надела платье, которое накануне принесла ей мама. Оно было сшито из хлопка, синий цвет немного выцвел, одна пуговица сзади отличалась: пришили вместо утерянной. Когда-то это платье было подарком, завернутым в тонкую упаковочную бумагу. Элен помнила, как мама в нем отправилась на вокзал с отцом, худощавым, но таким красивым в костюме и галстук. Они уезжали в Париж на встречу по делам семейной компании, занимающейся морепродуктами.

Для Элен, которая была на несколько сантиметров выше матери, платье было чуть коротковато, но все равно сидело хорошо. Завязывая пояс на талии, девушка ощущала запах кедрового ящи-

ка, где платье хранилось, и слабые нотки стойких духов матери.

Элен расчесала волосы, заколола их на затылке и ополоснула лицо холодной водой из умывальника. Открыла шторы и аккуратно заправила кровать, как и всегда. Разгладила простыню, ровно подоткнула по углам. Провела пальцами по одеялу, местами слегка потертому, но отлично согревающему холодными ночами. Потом потрогала стеганое покрывало покойной бабушки и, не в силах больше оставаться в комнате, вышла в коридор.

Этажом ниже Элен остановилась у комнаты деда. Дверь была закрыта. Сегодня, первый раз с тех пор, как ввели талоны, он встанет в очередь вместо нее.

«Зайду к нему попозже», — решила она и продолжала спускаться по лестнице.

В кухне было светло: шторы подняли, и свет вливался в окна. Мама стояла у плиты, кипятила чайник, а за столом, к удивлению Элен, сидел дедушка, одетый в серый шерстяной костюм, а перед ним лежала свежая газета.

— А вот и мой утенок. Припозднилась ты сегодня. — Дед отпил из кружки и слегка поморщился: цикорий был горьковат. Показал на стул рядом с собой. — Присядь-ка. Мама готовит нам завтрак.

Элен села напротив него.

— Ты сегодня рано, дедушка.

Он сложил газету.

— Меня инструктировали, верно? На рассвете топтать к магазину. Позже придешь, — он пригладил лохматую белую бороду, — останутся только мучные черви и заплесневелые корки. Кажется, формулировка была именно такая.

Элен прекрасно знала, чего ему стоило изображать беспечность, перед тем как выстоять очередь за скудной провизией. Дед привык просыпаться до зари. Раньше, практически каждый день кроме воскресений, он уходил из дома еще до того, как все просыпались, и забирался в маленькую лодку, пришвартованную в гавани. Вытаскивал все утро гребешки и устрицы. До войны дед рыбачил с двумя своими выжившими сыновьями, дядьями Элен, Марком и Жан-Люком, которые сейчас сидели в тюрьме в Германии. Их взяли в плен во время нападения, короткой битвы, которую Франция проиграла. Когда Элен была маленькой, отец, еще до болезни, тоже ходил с отцом и братьями в море на рассвете. Они возвращались к полудню, шумно садились за стол прямо в рабочей одежде и чудесно пахли океаном, соленым и рыбным.

Как только началась оккупация, немцы забрали лодку деда, «переориентировав» для своих целей, как ему сказали. Но даже если бы не забрали, продолжать заниматься морским промыслом стало опасно. Рассказывали, как рыбацкие шлюпки из ближайших городов налетали на подводные мины или их атаковали подлодки в проливе.

— Прости, дедушка. — Элен была не в силах поднять глаза на него. — Не надо бы тебе...

— Утеночек, — мягко позвал дед.

Элен с трудом посмотрела ему в глаза. Без своей лодки дед с каждым днем словно терял привычный облик: грубая веснушчатая кожа стала бледнее, красноватый загар на носу и лбу почти сошел на нет. С каждым днем в нем было все меньше океана, меньше его самого. Круглый живот сдулся, щеки ввалились.

— Тебе не за что извиняться. И мы обязательно прорвемся, — заверил он и накрыл руку внучки ладонью. Она была совсем такой, как раньше, мозолистой от канатов и перетаскивания тяжелых ведер с розовыми моллюсками и серыми устрицами.

Она молча кивнула, хотя хотела бы услышать от него и многое другое. Что он сможет стоять в очереди каждый день, даже зимой, когда вода по краю гавани замерзает и снег ложится на землю. Что будет держать себя в руках по отношению к немецким солдатам, избегать прямых взглядов и спокойно отвечать на вопросы.

Но больше всего ей хотелось услышать обещание не пропасть ко дню ее возвращения, чтобы в дедушке осталось хоть что-то от него прежнего, чтобы он не исчез полностью.

— Вот и завтрак, — сказала Агнес, поставила тарелку перед дочкой и отвернулась.

Элен сглотнула, во рту пересохло, аппетита совсем не было. На тарелке лежал маленький треугольный кусочек зачерствевшего хлеба, намазанный драгоценным сливочным маслом и остатками яблочного варенья, что хранилось в подвале

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЭЛИЗАБЕТ БЕКЕР
ПОЛУНОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.03.2026.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. ш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург к.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-607-37414-01-R